

6. Гангур Н. А. Орнамент народной вышивки...
7. Там же. С. 40–41, 71.
8. Арсеньева Е. В. Старинные узорные ткани России XVI – начала XX века: Из фондов Государственного Исторического музея. М., 1999. С. 38; Ивановские ситцы / сост. Е. В. Арсеньева. Л., 1983. С. 15.
9. Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга за 300 лет: Иллюстрированная энциклопедия. Т. 2. СПб., 2006. С. 60.
10. Кубанские областные ведомости (КОВ). 1908. № 151. С. 3.
11. Ивановские ситцы...; Арсеньева Е. В. Старинные узорные ткани России ... С. 54.
12. Маслова Г. С. Историко-культурные связи русских и украинцев по данным народной одежды // Советская этнография. 1954. № 2. С. 46, 53; Булгакова Л. Деякі конструктивні та художні особливості традиційних сорочок Полісся першої половини XX століття // Народознавчі Зошити. 1996. № 2. С. 199.
13. Чижикова Л. Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). М., 1988. С. 146; Гангур Н. А. Орнамент народной вышивки...
14. КОВ. 1902. № 94. С. 4.
15. КОВ. 1908. № 102. С. 4.
16. КОВ. 1902. № 189. С. 3; 1908. № 153. С. 3.
17. Рудин Н. Г. Павловские шали. М., 1979. Ил. б/н; Русские шали: Из коллекции Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника и Московского производственно-платочного объединения г. Павловский Посад Московской области / сост. Г. А. Макаровская. М., 1986. С. 107.
18. Власов В. Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства. Т. V. СПб., 2007. С. 194.
19. Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга... С. 94.
20. Будур Н. В. Вышивка по канве и бисером. М., 2001. С. 104.
21. Там же. С. 116–130.
22. Дух символизма. Русское и западноевропейское искусство в контексте эпохи конца XIX – начала XX века. М., 2012. С. 9.
23. Білоус Л. С. Брокарівський стиль в українському народному вбранні др. пол. XIX – поч. XX ст. // Народний костюм як виразник національної ідентичності: збірник наукових праць. Київ, 2008.

**L. Y. BRYLOVA, N. A. GANGUR. FLORAL STYLE IN EMBROIDERIES OF SOUTHERN RUSSIA
LATE XIX – EARLY XX CENTURY
(The problem of genesis motives)**

Analyzing common floral motifs in folk embroidery on fabric interior appointments, the authors reveal the genesis of motifs and draw parallels with similar motives in products of Russian textile mills late XIX – early XX century.

Key words: *rushnyk / towel, cross-stitching, floral motifs, Russian style, «soap» patterns.*

С. Р. ДЖЕНИЯ

СЕМАНТИКА ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА АБХАЗОВ

Статья посвящена проблеме семантики погребального обряда абхазов, связанной с идеей смерти как перехода к иной форме существования и ставшей парадигмой для всех обрядов жизненного цикла. Особое внимание уделено причитаниям как важной части ритуала.

Ключевые слова: *погребальный обряд, мировосприятие абхазов, антиномия жизнь / смерть, причитания.*

Погребальный обряд абхазов, сохранившийся до нашего времени, – одна из ярких традиций нашего народа. Это целая система ритуалов, верований и представлений о жизни и смерти, выраженная в народных приметах, поверьях, сказаниях, мифах и песенном творчестве. Исследование таких аспектов похорон, как их значение и сущность актуализирует философские проблемы смысла жизни, личности и многие другие: для человека пытаться определить, что составляет ее истинную природу, особенно в контексте неизбежной смерти.

Прежде всего важно изучить суть похорон с философской точки зрения. Их значимость

состоит в том, что это ритуальная церемония, обладающая важным социальным, символическим, общественным и индивидуальным воздействием. Можно сказать, что в первую очередь похороны выполняют особую социальную функцию, так как позволяют выразить свою скорбь в контексте социума. В психологии скорби изначально заложен выход боли и страдания, связанных с потерей близкого человека, и похороны являются наилучшим социальным решением этой проблемы.

Кроме того, на похоронах окружающие получают возможность разделить эту скорбь вместе с близкими усопшего. В ходе проведения церемонии смерть отдельного человека становится

потерей не только для его семьи, но и для всего общества. Таким образом, признавая значимость похорон, общество проявляет свою солидарность с проведением ритуала. Этот ритуал также устанавливает связь между живыми и усопшими. Он дает людям знания о завершении жизни.

Развитие представлений древнегреческих философов о жизни и смерти можно рассматривать как способ преодоления естественного страха смерти путем выработки разумного ее объяснения. Учения о бессмертии души смягчают трагизм смерти.

Бессмертие у абхазов неразрывно связано с пониманием человеческой души как незримой бестелесной и разумной жизни, которая продолжается после смерти тела и переходит в вечность. Уже в мифологии абхазов указывается, что посмертное достижение божественной жизни становится возможным через нравственное совершенствование человека.

По мнению абхазов, приобретение душой сознательного бессмертия, проявляется в земной жизни менее явно, поскольку на земле человек не может познать полноту истины, совершенной красоты, нравственного высочайшего добра и полного блаженства. Таким образом, посмертная жизнь души должна стать углублением ее земной жизни [1].

Осмысление акта смерти мы находим во многих философских учениях. Так, древнегреческий ученый Сократ доказывает, что смерть действительно есть благо или сладкий вечный сон («Так если смерть такова, я со своей стороны назову ее приобретением, потому что таким образом выходит, что вся жизнь не лучше одной ночи») [2].

Аспекты традиционной культуры проявляются не только в мифологических текстах, но и в музыкально-поэтических жанрах, восходящих в свою очередь к мифу. Исследуя данные музыкальные тексты на примере конкретных традиций, их структуры и логики, мы можем глубже проникнуть в суть культуры обряда, вычленив особенности ее функционирования в динамике. Записанные нами образцы плачей позволяют типизировать их принципы музыкального формообразования.

Так, в причитании сестре запевная часть имеет трехдольную структуру, которая является стабильным элементом, развиваясь в пределах целотонного лада. Начальный возглас, как правило, становится высокой точкой напева, играя роль «вершины-источника»; часто он отмечен особенно пронзительным тембром. Его семантика – горестный вопль об умершей. Наличие отдельных мелодических распевов в причитании в основном вызвано введением в поэтический текст различных ассонансов, лишенных конкретного смыслового значения. Этот начальный музыкальный компонент данного плача – горестное обращение к умершей, которое переходит в речитатив,

несущий основное содержание. Горестные вопли-переживания, которые передаются речитативом, развиваются в диапазоне человеческого голоса. В связи с общим декламационным характером песенной мелодики, важную конструктивную роль играют и квартовые образования. Сохраняя свою изначальную функцию возгласа, призыва, эти интонации дают толчок к образованию микроструктурных ритмоинтонационных ячеек [3].

Приведенный пример свидетельствует об отсутствии стабильной музыкально-ритмической цезурированности. Но в тоже время он обладает яркими музыкально-стилистическими элементами, которые впоследствии становятся интонационными формулами с семантической направленностью. При этом интонации «вздоха», «стенания» в мелодике причитания приобретают тип ритмоинтонационных формул, которые в своеобразном виде готовых клише контаминируются из причитания в причитание. Выполняя функцию каденционных окончаний, эти традиционные ритмоинтонационные формулы возникают в конце музыкальных фраз, где важная семантическая роль принадлежит малой секунде, которая может быть вверху или внизу трихордовой попевок. Остановка песенной фразы на неустойчивой интонации, ее ритмическая фиксация внутренне динамизирует плач, способствует незавершенности музыкальной фразы, что дает значительный стимул дальнейшему вариантному развитию напева. В тоже время данный прием обладает яркими музыкально-стилистическими элементами, которые создают семантическую наполненность.

Своеобразное положение человеческих останков, находимых в дольменах (нередко кости расположены в сидячем положении или собраны в кучу, увенчанную черепом), приводит археологов к убеждению, что у строителей этих сооружений существовал обычай вторичного погребения. По описанию Б. А. Куфтина, в ряде случаев в абхазских дольменах кости собраны в кучу, в частности, в одном из дольменов «в юго-восточном углу по сторонам груды костей, по-видимому, от одного человека» [4].

Аналогичные сведения относятся и к другим народам Кавказа. Ф. Ф. Торнау в середине 30-х годов прошлого века наблюдал похороны у абхазов. Особенно тяжелое впечатление на него произвели женщины, которые били себя в грудь, вырывали волосы, бились об гроб головой. Сходным образом вели себя хевсуры, черкесы (адыги), причем не только женщины, но и мужчины. По свидетельству Тавернье (XVII в.), черкесы «испускают ужасные крики и вой, причем одни наносят себе острыми камнями раны на лицо и некоторые части тела, а другие, бросаясь на землю, вырывают себе волосы, так что, возвращаясь с похорон, они все залиты кровью» [5]. Плачи этого этапа обряда наиболее развернутые по содержанию. Они представляют собой своеобразное повествование о жизни умершего, о причине его смерти. В них нередко

прослеживаются различного рода древнейшие представления о посмертном существовании человека. Временами эти причитания прерываются криками, исходящими от вновь прибывающих родственников.

Таким образом, сам ритуал обладает философской значимостью на нескольких уровнях. Самым важным является его общественный, личностный и сверхъестественный аспекты. Природа взаимоотношений между телом и нашей внутренней сущностью влияет на наше представление о личности и наоборот. В любом случае, к телу следует относиться с должным уважением, так как оно олицетворяет собой человека, который покинул нас. Право на самоопределение является неотъемлемым правом человечества. Мы можем пользоваться им на протяжении нашей жизни и тогда, когда приходится задумываться о смерти.

В культуре похоронного обряда нашли отражение представления наших предков о том, как устроен загробный мир, как лучше всего подготовить умершего человека к путешествию из нашего мира в мир мертвых, как защитить свое жилище от проникновения в него потусторонних сил из этого мира. Ряд представлений и поверий дошли до наших дней, а какие – то были забыты, но оставили свой отпечаток в обрядовом фольклоре и народных приметах. Похоронный обряд и непосредственно связанный с ним комплекс представлений о жизни и смерти, судьбе, предках занимают очень важное место в ритуально-мифологической жизни абхазов. Такая особая важность похоронного комплекса объясняется несколькими причинами. Во-первых,

это последний ритуал в жизни человека; во-вторых, именно в нем жизнь и смерть соприкасаются и пересекаются, как в ни какой другой ситуации.

Современная ориентация научного знания позволяет рассматривать проблемы этнических религиозных представлений в общем социокультурном контексте, объединяя достижения смежных гуманитарных дисциплин: музыки, этнографии, истории, археологии, религиоведения. Такой подход представляется особенно актуальным. Однако большинство исследований основаны, главным образом, на данных письменных источников, что порой несет окраску своего времени с долей субъективизма. Между тем синкретный характер религиозных представлений абхазов подтверждается данными как этнографических, так и археологических исследований, то есть в данном случае максимально объективных.

Исключительность каждого народа, богатство его традиции и обычаев, ценность духовного наследия, своеобразие мировоззрения и мироощущения становится содержанием наследия абхазского фольклора.

Литература и примечания

1. Бганба В. Р. Избранное. Том 1. Сухум, 2007. С. 251.
2. Похоронный дом № 5 – 6 – 7 (32-2008) URL: [http:// funeralportal.ru/magazine/1016/5197.html](http://funeralportal.ru/magazine/1016/5197.html)
3. Плач записан в 2010 году от Джения Венеры Ширифовны 1937 г.р. жительница села Ачандара Гудаутского района Республики Абхазия.
4. Инал-упа Ш. Д. Вопросы этнокультурной истории абхазов: в 11 т. Т. 3. Сухум, 2011. С. 100.
5. Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухум, 1957. С. 115.

S. R. DZHENIYA. SEMANTICS OF THE FUNERAL RITUAL OF THE ABKHAZIANS

The article is devoted to actual problem of semantics of the funeral rite of the Abkhazians, associated with the idea of death as a transition to another form of existence, and became the paradigm for all life cycle rites. Special attention is paid to the cries as a main part of rite.

Key words: semantics; ceremony; funeral rite; funeral and memorial rites; dolmen; lamentations; worldview.

